

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“
Издаётся с декабря 2000 года.

Элул/Тишрей 5781 сентябрь 2020

№9(225)

Суккот, Шмини Ацерет и Симхат Тора

Нет праздника благоуханнее Суккот. Он наполнен запахом листвы и свежесрезанных веток, ароматами мирты и этрога. В дни Суккот еврейские города или районы, где живут евреи, превращаются в зелёный сад от появления множества шалашей, украшенных яркой зеленью. В этих шалашах, называемых „сука“ (хижина на иврите), живут, пируют и славят Вс-вышнего все семь дней праздника. А ещё Суккот самый весёлый из еврейских праздников, о чём упоминается в Торе, когда предписано: „...и веселись в праздник твой“. Если Песах – это время нашего освобождения, а Шавуот – дарования Торы, то Суккот – это праздник радости нашей, чистой радости во славу Создателя. Он наступает через четыре дня после Йом Кипур. Уверенные, что Он простил нас, „вписал и запечатал“ в счастливый год, благодарные Ему мы вступаем в Суккот. В Торе сказано: „В пятнадцатый день седьмого месяца (Тишрей), когда Вы собираете плоды земли, празднуйте праздник Вс-вышнего семь дней: в день первый – покой и в день восьмой – покой. И возьмите себе в первый день плод дерева красивого (этрог), ветви пальмовые и отростки дерева густолиственного, и верб речных, и веселитесь перед Б-гом Всесильным вашим семь дней. И празднуйте этот праздник Вс-вышнему семь дней в году: (это) устав вечный в поколениях ваших; в седьмой месяц празднуйте его. В сукке живите семь дней... дабы знали поколения ваши, что в сукке поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли египетской...“

Сорок лет провели в них наши далёкие предки, продвигаясь к Обетованной Земле. Их не беспокоила прочность крыши над головой, им сопутствовали защитные „облака славы“, и в трудную минуту они полагались на поддержку Вс-вышнего. Но обретя свою Землю и поселившись в прочных, надёжных домах, они ежегодно уходили на семь дней под кровлю временных хижин. Эта заповедь навсегда осталась нашей благодарностью Б-гу и памятью об Исходе из Египта. Мы не селимся в сукке на Песах, в пору нашего Исхода, ибо весной обычное для всех народов время перебираться на летние дачи, и смысл нашего переселения не был бы очевиден. Мы делаем это осенью, в пору дождей и ненастья, подчёркивая тем самым, что цель нашей жизни в сукке – исполнение заповеди Вс-вышнего.

Есть и другое название у Суккот – праздник уборки урожая. Он всегда выпадает на осень, на пору окончания летней страды, когда урожай полей, садов и виноградников стекается в амбары. Что может быть радостнее для земледельца зрелища обильных плодов его труда! Однако при виде щедрого изобилия он способен возгордиться: „Всё это принесли моё умение и сила!“ И, позабыв о Б-ге, о духовных ценностях, кичливо вообразить, что цель его жизни – накопление богатства. В предписании Торы жить в сукке семь дней содержится глубокий нравственный смысл: выйди из постоянного жилища, человек, „дабы сердце твоё не возносилось“, и не думай – „это сила моя и крепость руки моей доставили мне богатство“. Именно в дни личной радости вспомни, как предки твои кочевали в Синайской пустыне, и поверь: даже в этом хрупком убежище Б-г защитит тебя и пошлёт процветание.

Один из самых важных законов Суккот – мицва „четырёх растений“. Тора предписывает нам взять лулав – длинный нераспустившийся побег финиковой пальмы, этрог – цитрусовый плод, похожий на лимон, адасим – веточки пахучей мирты и аравот – ветви скромной ивы. Мы привязываем адасим и аравот к лулав и, держа их в одной руке, а этрог – в другой, произносим особое благословение над всеми четырьмя растениями. Мидраш объясняет значение этой мицвы следующим образом.

Как этрог сочетает приятный вкус и чудесный аромат, так и среди сынов Израиля есть люди, глубоко изучившие Тору и выполняющие все мицвот. (Вкус символизирует наслаждение и удовольствие от изучения Торы). Лулав. Как финики имеют приятный вкус, но лишены запаха, так и в народе Израиля можно найти изучающих Тору, не совершая при этом добрых дел, в то время как изучение Торы должно вести к соблюдению мицвот. Адасим. Как мирт обладает чудесным ароматом, но не вкусом, так и среди народа Израиля есть такие, кто ведёт добропорядочную жизнь, но не учит Тору. Аравот. Как ива лишена вкуса и запаха, так и среди народа Израиля можно отыскать тех, кто не учит Тору и не совершает добрых дел. Вс-вышний говорит: „Свяжи их всех в один пучок, и дополнят они один другого“. Смысл этой мицвы в объединении всех евреев, которые должны стать „единой группой, чтобы свершать Твою волю от чистого сердца“.

Необычайно торжественно отмечался праздник Суккот во времена Храма. Говорят наши мудрецы: кто не видел „радость черпания воды“ в Храме на Суккот – тот не видел в своей жизни настоящего веселья. Во дворе Храма стояли золотые подсвечники, высотой в 50 локтей (около 25 м), с четырьмя золотыми чашами наверху, куда заливали ароматическое масло. Не было дома в Иерусалиме, который не освещало бы их пламя. В эти ночи, пишут современники, было настолько светло, что женщины могли перебирать пшеницу. Исторические летописи единодушно подтверждают особую торжественность, величественность и удивительное веселье праздника Суккот во времена Храма. „Хроники“ Иосифа Флавия выделяют Суккот как наиболее красочный у евреев праздник. В эти дни Иерусалим переполняли паломники, бесконечной чередой шли карнавалы, люди танцевали с факелами в руках и пели, восхваляя Вс-вышнего. Великое торжество и всенародная радость охватывали каждого, когда люди шли праздничной процессией к источнику – роднику возле Иерусалима. Веселье Суккот достигало вершины, когда начинались жертвоприношения, сопровождавшиеся и возлиянием вина и особым черпанием воды. Вот как о празднике Суккот пишет Рамбам: „Начинают веселиться на исходе первого дня праздника. А в другие дни веселье начинается после приношения вечерней жертвы тамид, веселятся всю остальную часть дня и всю ночь. Играли флейта и скрипка, арфа и цимбалы, каждый играл на чём может, а кто силен в пении – пел. И танцевали, и прихлопывали, и приплясывали, и отстукивали каждый, как мог. И читали стихи и хвалебные гимны...“

Сказано в Торе: „В сукке живите семь дней“, в каких жили наши предки после освобождения. Также и на восьмой день – во время праздника Шмини Ацерет – мы ликуем и веселимся во имя Его. И радуемся и танцуем в день девятый – Симхат Тора (веселье с Торой).

Праздник Шмини Ацерет, который следует сразу за Суккот, считается отдельным праздником.

В Торе, после описания службы в каждый из семи дней праздника Суккот, говорится: „В день восьмой празднование да будет у вас...“ Слова „восьмой“ (шмини) и „празднование“ (ацерет) дали название этому празднику, завершающему время нашего веселья.

Во времена Храма, при семидневном праздновании Суккот, на жертвенник возносили 70 быков, символизирующих 70 народов мира. А на восьмой день – в Шмини Ацерет – приносили в жертву лишь одного быка и барана. Мидраш говорит: «Это похоже, как если бы царь позвал на семидневный пир всех жителей своей страны... А когда пир закончился, он сказал своему близкому другу: „Мы выполнили наши обязанности по отношению ко всем обитателям страны. Теперь пойдём и проведём время вместе. Только ты и я вдвоём...“ Остались позади семь праздника, но есть ещё сегодня, Шмини Ацерет, прекрасный день, когда еврейское сердце слышит просьбу Вс-вышнего: „Задержись. Тяжело Мне расставаться с тобой...“»

Праздник Симхат Тора (радость с Торой) также не связан с Суккот, но и он как бы продолжает последний. Это день начала нового цикла чтения Торы – самый радостный и весёлый в еврейском году, когда танцует и ликует весь еврейский народ от мала до велика. И радость эта одинакова у седобородого старца, постигшего великие тайны Учения, танцующего со свитком Торы и у юноши, не умеющего отличить „алеф“ от „бейт“.

На Симхат Тора исчезает различие между людьми, и заповедь любовь к ближнему проявляется особенно ярко. Та самая любовь, о которой сказано: любви одинаково и абсолютно порочных, и абсолютно праведных, любви, невзирая на внешность, поведение, достоинства и недостатки. Люби его, как самого себя, т.е. прощай ему, как прощаешь себе любые прегрешения.

В канун Симхат Тора, после вечерней молитвы, и в самый день праздника, после утренней молитвы, семь раз обходят со свитками Торы вокруг возвышения в центре синагоги, откуда читают Святую Книгу. При этом обходе (Акафот), который длится часами, ликует, поют и танцуют, и безграничная радость охватывает присутствующих.

На первый взгляд удивительно: на Симхат Тора евреи всего мира собираются и танцуют с Торой – с той, что предписано изучать день и ночь! Но если бы Симхат Тора отмечали изучением или даже чтением Торы, это подчеркнуло бы разницу между евреями – учёным и необученным. В танце же все мы – от величайшего из великих до простейшего из простых – радуемся вместе и на равных.

По материалам еврейских сайтов.

Продолжая многолетнюю традицию, в преддверии праздника Рош ха-Шана 13 сентября 2020 года на еврейском кладбище собрались неравнодушные люди, чтобы по мере своих сил навести там порядок.

Инициатором этого мероприятия выступил „Волонтерский центр“ Черкасского благотворительного фонда „Хэсэд Дорот“. Свой призыв они распространили всеми возможными способами, в том числе, и через социальную сеть FACEBOOK и Viber-группы.

Учитывая карантинные ограничения при проведении массовых мероприятий, и то, что участники должны были быть в масках, народу собралось немного.

Каждый нашёл себе работу по силам: кто-то пилил и рубил разросшиеся деревья, кто-то относил срубленные ветки за территорию кладбища, кто-то выпалывал траву и сорняки. Конечно, силами собравшихся невозможно было убрать всё кладбище, но, тем не менее, результат нашей деятельности не заметить было невозможно.

Большое спасибо всем, кто смог лично поучаствовать в уборке. Наша благодарность и тем, кто, не имея такой возможности, всё же принял участие в мероприятии – дал деньги в целевую Цдаку на уборку еврейского кладбища.

„Добрый гость“

Уходящий еврейский 5780 год принёс много нового и существенно изменил нашу жизнь. Но какие бы изменения не происходили, а деятельность „Волонтерского центра“ продолжается!

Важным направлением деятельности участников программы является поздравление подопечных Хэсэда с еврейскими праздниками. Обычно волонтеры навещают малоподвижных подопечных, общаются с ними, рассказывают о празднике, слушают воспоминания пожилых людей, да и просто общаются с ними на бытовые темы.

Несмотря на карантин, этот год не стал исключением. Конечно, пообщаться „живую“ не позволяют карантинные ограничения, но можно позвонить по телефону, передать праздничный набор и поздравительную открытку, поделиться праздничным настроением и своим теплом.

К своей деятельности мы стараемся привлекать людей разных возрастов, в том числе молодёжь и подростков. В этот раз к акции „Добрый гость“ присоединились участники программы SmartY, которые сделали чудесные поздравительные открытки к Рош ха-Шана. Юные волонтеры передали свои поздравления бабушкам и дедушкам, а по телефону рассказали им то, что узнали о празднике на занятиях.

Активное участие в проведении акции „Добрый гость“ приняли участники „Молодёжного клуба“ Черкасского благотворительного еврейского фонда „Хэсэд Дорот“ во главе со своим лидером Илоной Левит. Ребята делом подтверждают неразрывную связь поколений в еврейской общине Черкас.

Месяц Тишрей богат праздниками, а это значит, что акция не закончена. У вас есть ещё возможность присоединиться к поздравлениям.

Ксения ЛОЗА, куратор программы „Волонтерский центр“

Бабий Яр

Бабий Яр – это овраг на бывшей окраине Киева, который стал символом гибели евреев от рук нацистов в Советском Союзе во время Второй мировой войны. 20 сентября 1941 года германская армия оккупировала Киев. Значительная часть еврейского населения города не успела эвакуироваться как из-за стремительных темпов немецкого наступления, так и потому, что руководители Советского Союза и Украины неоднократно заявляли, что Киев не будет сдан.

Поводом к уничтожению еврейского населения послужили серия взрывов в центре города, совершённых по приказу командования Красной армии. Первый такой взрыв произошёл 24 сентября 1941 года. Были разрушены штаб немецкой армии, комендатура, гостиница для офицеров.

Основную роль в уничтожении евреев Киева сыграла айнзатцгруппа „С“ под командованием бригаденфюрера СС О. Раша. В акции также участвовали подразделения вермахта и вспомогательной украинской полиции, в том числе сформированные из жителей Западной Украины. Согласно отчёту командования подразделения айнзатцгруппы „С“ зондеркоманды „4А“, только 29 сентября в Бабьем Яру были расстреляны 33 771 еврей. Расстрелы продолжались несколько дней. Немецкое командование, националистические украинские газеты требовали от жителей Киева выдавать евреев.

Были случаи, когда русские, украинцы, поляки и даже украинские полицейские и немецкие военнослужащие спасали евреев (иногда выводили из Бабьего Яра еврейских детей, часто за взятку). По оценке украинских учёных, в 1941–43 годах в Бабьем Яру было расстреляно 150 тыс. евреев – жителей Киева и других городов Украины. Здесь же были расстреляны десятки тысяч представителей других национальностей.

В 1943 году по распоряжению главы СС, министра внутренних дел Германии Г. Гиммлера была создана „команда 1005“ для ликвидации следов массового уничтожения еврейского населения. Летом 1943 года рабочие команды, в основном состоявшие из евреев, раскапывали и сжигали трупы в Бабьем Яру. 29 сентября 1943 года группе заключённых удалось совершить побег.

Памятная записка советского правительства союзникам относительно военных преступлений, датированная 6 января 1942 года и подписанная В. Молотовым, отмечает, что в числе жертв было „большое число евреев, включая женщин и детей всех возрастов“. После войны советское население узнало о преступлении из газет, официальных сообщений и художественной литературы.

Он был суперсекретным человеком. Мало кто знал, что у него было три звезды Героя, Ленинская и три Государственные премии, десять орденов Ленина и два выговора по партийной линии. Награды – за обеспечение обороноспособности страны как в годы Великой Отечественной, так и после неё, когда речь шла о существовании СССР. Выговоры: один – за то, что купил отрез в подведомственном магазине („использование служебного положения“), а второй — за знакомство с врагом народа („утрача бдительности“). Лишь однажды Славский надел все свои награды – надо было сделать официальный снимок. И сам удивился, сколь их много...

– Неужели вам секретность не мешала? – спросил его однажды.

– Нет! – ответил Славский. – Был такой случай, по-моему, в 1963-м американская газета напечатала большой материал обо мне под названием „Атомный министр“. В нём всё было правильно написано. Я пошёл к Хрущёву, показал ему статью и сказал, мол, зачем секретить наше министерство, называть его каким-то „средним машиностроением“. Может, раз уж они пишут, сказать правду?! Хрущёв рассмеялся: нет, говорит, не будем подтверждать, что у них разведка хорошо работает... На том моя борьба с секретностью и закончилась!

Эпоха поднимала Ефима Славского на вершину атомной пирамиды, но каждую ступень её он строил своими руками. Это было восхождение, равного которому история не знает. Игорь Беляев, заслуженный строитель РСФСР, ликвидатор аварии на ЧАЭС, которому Славский поручил возводить саркофаг над разрушенным реактором, вспоминал: «Когда последний раз мы были на площадке саркофага, Ефим Павлович произнёс исторические слова: „Я первый построил атомный блок и первый захоронил реактор“». В этих словах преувеличения не было: рассказ о начале „Атомного проекта“ нельзя вести без Ефима Славского.

Первый промышленный реактор... Он строился в глухомани, среди болот и лесов. Ефим Павлович был там директором и главным инженером, а потом постоянно приезжал на свою „Десятку“ – так именовали нынешний „Маяк“.

Это была жестокая битва за будущее. Иногда представляется, что основная тяжесть её легла на заключённых. Это не так. Да, комбинат под

Атомный министр

Челябинском строили в основном военные и заключённые. Однако к работам на самом реакторе и на радиохимических заводах их не допускали, а там были самые высокие уровни радиоактивности. Именно на первом реакторе Курчатова, Славский и многие другие руководители „Атомного проекта“ получили огромные дозы, которые, в конце концов, и привели к лучевым заболеваниям. Это была плата атомщиков за незнание. А знание добывалось ценой здоровья...

Хотя самого Славского природа наградила богатырским здоровьем. Аварии случались часто, особенно в первое время. И всегда Ефим Павлович первым шёл в опасную зону. Много позже врачи попытались определить, сколько именно „набрал он рентген“. Мне называли цифру порядка полутора тысяч, то есть у Славского набралось три смертельных дозы! Но он выдюжил!

Ефим Павлович Славский пришёл в новую отрасль уже сложившимся человеком и специалистом, за плечами которого были две войны, созданные и воссозданные из руин заводы, танки и самолёты, буйная юность и опыт зрелости. Казалось, что будущее столь же понятно и ясно, как и прожитое. Да и чего ждать особого, если тебе скоро 50 лет? И кто мог предположить, что предстоит начинать с чистого листа? Но в судьбе Славского именно так и произошло.

Ефим Павлович (Файвелович) Славский родился 26 октября [7 ноября] 1898 года в селе Макеевка (Донбасс), в еврейской семье отставного царского солдата. Отец – Файвель Славский. Мать – Евдокия Петровна. Кроме него в семье были ещё младшие брат Фёдор и сестра Марфа. Едва Ефиму исполнилось пять лет, умер от воспаления лёгких отец. После смерти мужа Евдокия Петровна вышла замуж за вдовца Федота Патану. Десяти лет от роду Ефим определился в подпаски. Тринадцать лет пошёл на Макеевский завод. Хотя Ефим Славский и значился украинцем, но имя и фамилия всегда выдавали в нём еврейское происхождение.

В начале Гражданской войны Ефим ушёл добровольцем в Красную армию. Влился в Бу-

дённовскую армию, и почти пять лет воевал на Донбассе и Северном Кавказе. Закончил воевать только осенью 1923-го комиссаром полка отдельной особой кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Всего прослужил в армии 10 лет до 1928 года.

В 1928 ЦК партии принял решение: отобрать квалифицированных рабочих на предприятиях и направить их на учёбу, подготовить из них новых специалистов. На армию выделили 20 мест. В число этих двадцати попал и Ефим Славский. Однако сначала „студентов“ дообразовывали за среднюю школу.

В академии учился 5 лет. Одновременно практиковался на заводах. В 1930 защитил диплом по „технологии производства свинца“ и отправился на Северный Кавказ в город Орджоникидзе на завод „Электроцинк“. Было Ефиму Павловичу тогда 32 года. Прошёл все инженерные ступени – от инженера до главного инженера и директора. В 1939 Ефима Славского назначили директором Днепровского алюминиевого завода в Запорожье. А буквально за неделю до начала войны он был утверждён замом наркома цветной металлургии.

Летом 1941-го Ефим Славский вернулся из Москвы в Украину, чтобы передать завод новому директору. Сдавать не пришлось – полтора месяца под артиллерийским огнём эвакуировал он свой завод на Урал. На одной стороне Днепра заводная, а на другой – немцы. Причём завод они не бомбили, он им был нужен как самый большой в Европе. За эту эвакуацию Ефим Павлович Славский получил первый из десяти(!) орденов Ленина. Всю войну проработал Ефим Славский директором этого Уральского алюминиевого завода.

В 1945-м наркоматы (министерства – ред.) вернулись на свои места. Вернулся и Ефим Павлович – замом по алюминиево-магниевого промышленности к министру цветной металлургии СССР Петру Ломако. Через несколько лет Игорь Васильевич Курчатова поставил вопрос, чтобы его из цветной металлургии отправили работать в Первое главное управление. Представить себе трудно, как себя чувствовал Ефим Павлович! Ведь это же абсолютно новая для Славского область! А ему уже за 40.

Так что начинать пришлось с нуля.

С 1957, когда он возглавил Министерство среднего машиностроения СССР, „Сред-маш“, не было ни единого случая – будь-то пуск нового реактора, комбината или открытие исследовательской лаборатории, – чтобы на этом событии

не присутствовал он сам. Кстати, на министерский пост его рекомендовал всё тот же Курчатова – он сразу увидел в Славском крупного организатора, который так был необходим стремительно развивающейся атомной промышленности. И если её умом был Курчатова, то сердцем – Славский.

...Его освободили от должности министра сразу после Чернобыля, по сути, приписав ему вину за эту катастрофу. Он не поехал в ЦК на заседание Политбюро – прекрасно знал, что Горбачёв его недолюбливал. Обидел его однажды Славский, а тот такого не забывал. На этот раз обиделся уже сам Ефим Павлович: не дали ему доработать всего несколько месяцев до круглой даты – 30-летия на посту министра.

После снятия с поста он прожил ещё пять лет. В одиночестве. В маленькой квартире на Арбате. Не знал, что и как делать. Гости приходили часто, он любил вспоминать прошлое, сетовал, что „силыци много, а приложить её некуда“. И чем-то напоминал льва, которого на склоне лет заперли в клетке, отняв у него волю и саванну, где он ещё мог царствовать долго. Иногда он доставал из ножен, висящих на стене, шашку и, размахивая ею, ходил по комнате, сокрушая всех своих врагов. Ну, совсем как в далёкую Гражданскую – его первую войну. Я догадывался, кого именно рубил в эти минуты Славский...

Он хотел дожить до своего столетия, но случилась пневмония, остановившая бег его жизни на 94-м году.

Владимир ГУБАРЕВ.

Одни считали эту поэтессу официальной и пафосной, другие восхищались её неповторимым оригинальным слогом. Михаил Светлов полагал, что эта женщина неординарна и способна по-особому видеть мир. Сама же поэтесса создавалась, что в её биографии не было невероятных обстоятельств и эффектных подробностей, что, впрочем, волновало её только в молодые годы. В зрелом возрасте она уже была убеждена, что её книги являются самой подробной и значительной автобиографией. Её имя – Маргарита Иосифовна Алигер.

Будущая поэтесса родилась в Одессе в 7 октября 1915 года. Она была единственным ребёнком в небогатой еврейской семье Зейлигер. Её отец, Иосиф Пинхусович (Иосиф Павлович), много трудился, чтобы обеспечить не только жену и дочь, но и брата-инвалида, престарелых родителей. В семье души не чаяли в дочери. Отец мечтал реализовать в ней свои мечты. В своё время Иосиф Зейлигер хотел стать пианистом, но не смог поступить в консерваторию. Всё свободное время он занимался со своей дочерью музыкой. Однако Маргарита не была усидчивой. Ей нравилось бегать с мальчишками, лазать по деревьям. Но больше всего девочка любила плавать, преодолевая непокорную морскую стихию, а потом сидеть на берегу и сочинять поэтические строки.

Несмотря на то, что Иосиф Павлович ушёл из жизни, когда дочери было шесть лет, он успел привить ей любовь к прекрасному, включая и поэзию. С раннего детства Маргарита много читала, особенно ей нравились классические произведения. На становлении будущего мастера сказались и литературные вечера, устраиваемые в школе замечательными педагогами, и многочисленные экскурсионные поездки по Крыму, Кавказу, которые организовывались в школе. Именно тогда она стала подражать любимым литераторам.

Маргарита не была в восторге от своего творчества. Поэтому приняла решение учиться в химико-технологическом техникуме. После его окончания в течение двух лет трудилась на заводе. В это время к ней и пришло осознание своего поэтического призвания, поэтому девушка решила уехать в Москву. В столице она окунулась в мир творчества. Маргарита отсылала свои произведения в различные редакции. В 1933-м в журнале „Огонёк“, наконец, увидели свет её стихи, что открыло юную поэтессу. Она стала ходить на литературные вечера, знакомиться со знаменитыми литераторами, читать свои стихотворения. А потом была учёба в Литературном университете и признание. Её, теперь уже под фамилией Алигер, ставили рядом с Долматовским, Матусовским,

Поэтесса, создавшая свой мир

Симоновым – литературными знаменитостями того периода. В 1930-е поэтесса посетила практически все республики СССР, начав заниматься переводческой деятельностью. Лирика Самеда Вургуня, Луи Арагона, Пабло Неруды, Леси Украинки стала известна русскому читателю благодаря творчеству Маргариты Алигер.

Всё чаще на страницах журналов появляются её стихи. А сама поэтесса говорила, что в те годы её переполняла гордость за страну, за мудрого и справедливого Сталина, стоящего во главе государства.

В конце 30-х годов вышли три книги её стихотворений. Алигер вышла замуж за начинающего талантливого композитора. Материальные трудности молодой семьи, как оказалось, были не самым страшным испытанием для Маргариты. Тяжелая болезнь унесла в мир иной не дожившего до 7 месяцев сына Дмитрия. Горе, которое переполняло молодую мать, вылилось в поэму „Зима этого года“. В первом бою Великой Отечественной погиб её муж, ушедший добровольцем на фронт. Нестерпимая боль от потери близких людей выплеснулась в поэтические строки, заставляющие читателя переживать настоящую горечь человеческой утраты. Маргарита Иосифовна после смерти Константина, по её словам, жила с пулей в сердце. Каждая вещь дорогого ей человека была светлой памятью о нём. Особенно это касалось фортепиано, за которым талантливый композитор писал музыку на стихи своей супруги. Спасала от боли только дочь Татьяна, родившаяся в 1940 году.

Через личных трагедий не помешала мастеру издать сборник со стихами о людях, находящихся на переднем крае войны, и о тех, кто работал в тылу, обеспечивая победу. Поэтесса активно сотрудничала с центральными газетами, выезжала с выступлениями на фронт, практически год находилась в блокадном Ленинграде. О военной судьбе города на Неве она написала цикл стихов, часто звучавших по радио.

После сообщения в прессе о трагической гибели Зои Космодемьянской Алигер не осталась равнодушной к подвигу девушки. Она начала собирать необходимые для написания поэмы материалы: встретила с матерью, учителями, друзьями Зои. Поэма, написанная буквально на одном дыхании, в 1943-м стала лауреатом Сталинской премии, которую Маргарита Иосифовна перечислила на армейские нужды.

Произведение прославляло не только подвиг Зои, но и величие Сталина. Безусловно, советский руководитель читал восхваляющие его поэтические строки. Алигер в те времена вряд ли кривила душой. Ведь тогда она, как и весь народ страны, видел в Иосифе Виссарионовиче символ победы над фашизмом. Через много лет после разоблачения культа личности Сталина поэтессе поступило предложение заменить некоторые поэтические строки. Она отказалась это делать.

„Сказку о правде“, написанную чуть позже, с успехом ставили многие советские театры. За ней последовала поэма „Твоя победа“, энергетика которой просто зашкаливала. Правда, это

произведение не стало популярным, хотя сама поэтесса считала его лучшим в своём творчестве. Героиней поэмы является обыкновенная женщина, которая все свои силы и труд отдаёт во имя Великой Победы. В произведении показана суровая жизнь отечества и Москвы в тяжёлый военный период. По всей видимости, отсутствие яркого героизма, а также затрагивание еврейского вопроса, стали причинами забвения этого творения. В поэме впервые Маргарита Иосифовна определяет свою принадлежность в словах „мой народ“. В произведении есть глава, посвящённая еврейскому народу, где поэтесса высказывает боль о его судьбе. Бегство её мамы из Одессы сравнивается с исходом евреев из Египта. Известно, что Алигер вносила изменения в одну из сильнейших по воздействию на читателя глав поэмы. Без них переиздание „Твоей победы“ просто блокировалось.

В начале „оттепели“ Маргарита Алигер принимала деятельное участие в издании альманаха „Литературная Москва“. Правда, первый выпуск практически целиком заняла повесть его редактора Э. Казакевича, вызвав разочарование читателей. А вот второй, приподняв завесу молчания над Цветаевой, Ахматовой, Заболоцким и др., был гораздо интереснее. Однако это не понравилось власти имущим. На встрече с творческой интеллигенцией весной 1957-го от Хрущёва досталось многим, в том числе и Алигер, которую он назвал „вредным элементом“.

Поэтесса по совету партийной организации Союза писателей отреагировала на критику публичным покаянием в прессе, приостановив публикацию своих поэтических творений и занявшись переводческой деятельностью. Впоследствии отношение к ней стало лояльнее. Алигер даже включали в состав зарубежных делегаций. Она побывала в Японии, Франции, Италии, Англии, Финляндии, ГДР и ФРГ, Румынии, Болгарии, в некоторых странах Латинской Америки. Результатом её переводческой деятельности стала книга „Огромный мир“, в которой читатели познакомились с творчеством многих зарубежных поэтов.

Первый двухтомник поэтических произведений М. Алигер вышел в 1970. Три тома её сочинений, включая повесть „Тропинка во ржи. О поэзии и поэтах“, были изданы в 1984 году.

В жизни Маргариты Иосифовны наступила чёрная полоса утрат, которые не смогли смягчить ни приверженные награды, ни премия П. Неруды. В 1974 от рака крови умерла её старшая дочь Татьяна, оправиться от смерти которой Маргарита Иосифовна так и не смогла. В 1990 она похоронила мужа, в 1991 – младшую дочку Марию, отцом которой был знаменитый писатель А. Фадеев. Талантливая красивая женщина покончила с собой, не справившись с депрессией.

В конце лета 1992 года трагическая и нелепая смерть настигла и саму Маргариту Иосифовну. Она упала неподальку от своего дачного участка в канаву, из которой из-за полученных травм не смогла выбраться. Похоронена поэтесса, создавшая свой мир открытым бессмертием, в Переделкино рядом со своими дочками.

Эдуард БЛОКЧЕЙН.

От психически больной до психотерапевта

Жестокие родители отправили её из Ростова в Швейцарию лечиться от истерии. Там она стала первой пациенткой Карла Юнга, а заодно – и его любовницей. Вскоре Сабина Шпильрейн прославилась как психотерапевт, но совершила роковую для себя ошибку – вернулась в СССР.

Ей было 19 лет, когда она составила завещание: «После моей смерти я позволяю аналитически только голову, если она будет не очень страшной. При секции не должно быть юношей. Из студентов могут смотреть только самые прилежные. Мой череп я посвящаю нашей гимназии. Его надо поместить в стеклянный ящик и украсить бессмертными цветами. На ящике напишите следующее: „И пусть при входе в гроб играет молодая жизнь, и равнодушная природа пусть сверкает вечным великолепием“. Мой мозг я даю Вам. Только поместите его чистым в красивый сосуд, также украшенный, и напишите на нём те же самые слова. Тело следует сжечь. Но при этом никто не должен присутствовать. Пепел разделите на части. Одну положите в урну и пошлите домой. Вторую часть развейте по земле посреди нашего большого поля. Вырастите там дуб и напишите: „Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн“».

К тому времени она уже год, как находилась в клинике для душевнобольных в Швейцарии. Её лечащий доктор Карл Юнг писал своему другу и учителю Зигмунду Фрейду: „Трудный случай, молодая русская девушка-студентка, болеющая с шести лет“. Тогда ещё никто из именитых психiatров не предполагал, что именно этот „трудный случай“ изменит каноны европейского психоанализа, а мысли и суждения Сабины Шпильрейн им предстоит заимствовать в своих работах.

Долгое время имя Шпильрейн мелькало лишь в сноски работ Фрейда, а иногда в досужих разговорах – её представляли как любовницу Юнга. Лишь в конце 1970-х потомки знаменитого швейцарского психолога Эдуарда Клапареда, разбирая ящики во время ремонта, нашли архив, оставленный ему Сабиной перед отъездом в Советский Союз. В архиве – статьи её работ, письма к ней Фрейда и Юнга, её личный дневник. Даже беглое их изучение дало возможность понять, что жизнь Сабины – это история феноменальной личности, сумевшей „переквалифицироваться“ из пациентки клиники для душевнобольных в доктора психиатрии. Труды Шпильрейн с каждым годом вызывают всё больший интерес, а её личная жизнь не перестаёт привлекать писателей и режиссёров.

Сабина, урождённая Шейва Шпильрейн, появилась на свет 25 октября 1885 года в Рос-

тове-на-Дону в очень состоятельной еврейской семье. Её отец – энтомолог по образованию, купец Первой гильдии Нафтулий Шпильрейн. Мать Ева Шпильрейн по профессии была стоматологом. Оба деда Сабины были раввинами, но родители придерживались светских взглядов, уделяя огромное, но весьма строгое внимание воспитанию детей. Неделя, к примеру, была разделена на дни, в которые семья разговаривала только на русском, английском, французском или немецком языках. Все просьбы маленьких детей, ещё не освоивших эти языки в совершенстве, просто оставались без ответа.

Возможно, поэтому детство Сабины сопровождалось ночными кошмарами, нервными тиками, а иногда и настоящими истериками. Её мать не смущалась твердить о душевных расстройствах дочери: убеждала в этом и Саму Сабину, и окружающих. В 1904 году Сабина окончила с золотой медалью Екатеринбургскую женскую гимназию в Ростове-на-Дону. В том же году от тифа умерла её младшая и любимая сестра Милочка. Трагедия буквально оторвала Сабину от реальности. Она ходила, не замечая ничего перед собой, падала и упиралась в стены, плакала часами, а затем так же долго истерично смеялась.

Родители повезли её на лечение в Швейцарию. Сначала девушку поместили в санаторий, но та, сидя на кровати, никого не подпускала к себе, швыряя в персонал всем, что попадётся под руку, и крича на них. Через несколько недель, в августе 1904-го, её принудительно госпитализировали в кантональную клинику Бургхельцли. Лечащим врачом Сабины Шпильрейн был назначен 29-летний доктор Карл Густав Юнг. Над ним ещё не висел ореол медицинского светила, и Сабина была для него первой пациенткой, историю которой он только собирался исследовать в своей диссертации.

Для Сабины же Юнг стал первым в жизни человеком, который её внимательно слушал. Лечение представляло собой прогулки по парку и долгие разговоры, во время которых Юнг пытался найти первопричины страданий девушки. „Психотическая истерия“ – именно такой диагноз был поставлен ей Юнгом – была следствием травм в семейных отношениях. Жёсткий и даже жестокий отец, истеричная мать, отсутствие общения, хронические эмоциональные стрессы и комплексы. От воспоминаний всего этого и старался освободить её Юнг своей терапией. И у него это получилось.

Сабина влюбилась в Юнга. Он же восхищался её умом и даже стал зачитывать ей фрагменты своей диссертации и обсуждать истории других пациенток, всё чаще говоря,

что ей самой нужно стать психиатром. Их любовные отношения длились семь лет. Ни Сабина, ни Юнг это не афишировали, но и не скрывали: известно, что буквально сразу после начала их романа жена Юнга написала анонимное письмо матери Сабины, рассказав о взаимоотношениях доктора с её дочерью.

В июне 1905-го Сабина, бывшая пациентка-истеричка, была выписана из Бургхельцли полностью выздоровевшей. Она поступила на медицинский факультет в университет Цюриха, отдавая все силы изучению зоологии, экспериментальной физики, ботаники, анатомии и лечебного дела. Её дипломная работа в 1911-м была посвящена шизофрении – идеи из этой работы „О психологическом содержании одного случая шизофрении“ будет не раз впоследствии использоваться в своих трудах Юнг.

„Я люблю его, несмотря ни на что, – писала Сабина в дневниках о Юнге. – Вся моя работа пронизана этой любовью. Я люблю его и одновременно ненавижу, потому что он мне не принадлежит“. В письмах Юнга к Фрейду можно отметить совершенно иную интонацию по отношению к ней: „Шпильрейн – та персона, о которой я Вам писал. Она, конечно же, систематически вынашивала планы моего обольщения, что я считал несвоевременным. Теперь она ищет мести“.

В 1911 году Сабина Шпильрейн стала первой женщиной в Европе, получившей степень доктора медицины за научную работу в области психологии, познакомилась с Фрейдом и была принята в Венское психоаналитическое общество. Зимой 1912-го она провела в России, читая доклады о психоанализе в Ростове-на-Дону. А 1 июня 1912 неожиданно для семьи и Юнга Сабина вышла замуж за российского врача Павла Шефтеля, с которым познакомилась в Вене. В декабре 1913, уже в Берлине, у неё родилась девочка, которой дали имя Ирма Рената. Отношения с мужем, правда, не складывались: едва девочке исполнился год, он вернулся в Россию. Сабина с дочерью первоначально поселилась в Лозанне, работая в клинике для страдавших от психических болезней, а затем жила и работала в различных немецких, швейцарских и австрийских медицинских центрах – в том числе вместе с Юнгом в Цюрихе и Фрейдом в Вене.

Благодаря помощи семьи денег у неё на все эти путешествия хватало. Но в 1917-м всё имущество семьи Шпильрейн в России было конфисковано. Заработка Сабины едва хватало на оплату квартиры и лечение часто болеющей дочери. Семья уже давно жила в России, но, несмотря на скромное существование в Европе, приехала лишь в 1922-м, после смерти матери. Получив от Фрейда на-

учное благословение на „распространение психоанализа в новой России“, в 1923 году Шпильрейн устроилась на работу в Государственный психоаналитический институт в Москве. Там она читала лекции и работала с беспризорными детьми как психолог. Однако указом Совета народных комиссаров в 1925 году Государственный психоаналитический институт был ликвидирован – это стало началом масштабной борьбы советской власти с психоанализом. Внутренних душевных переживаний и советского человека не могло быть априори.

Сабина Шпильрейн-Шефтель вернулась в Ростов-на-Дону, исчезнув из мировой научной жизни. Её последняя научная работа, исследующая детские рисунки, была опубликована в 1930-м в европейском психоаналитическом журнале „Имаго“. Маховик начавшихся вскоре репрессий каким-то чудом уберёг её от гибели, которой, к сожалению, не избежали три её брата: Ян – математик, член-корреспондент АН СССР, Эмиль – биолог, декан биологического факультета Ростовского университета и Исаак – доктор философии, психолог и лингвист. В 1937 году от сердечного приступа умер и муж Сабины Павел.

Через пять лет, летом 42-го, когда Ростов-на-Дону оккупировали германские войска, Сабина отказалась покидать город. Её собственный жизненный опыт, длительное пребывание в Европе, осведомлённость об образованности и манерах этой нации не совпадали с мнением большинства – она отказывалась верить в те зверства, которые им приписывали. Опыт подвёл её. 11 августа 1942-го Сабина Шпильрейн вместе с дочерьми Ренатой и Евой и ещё 15 тысячами евреев были расстреляны фашистами в Змиевской балке. Через несколько десятилетий на месте её гибели – как и просила Сабина в своём юношеском завещании – посадили дуб, табличка на котором гласила: „Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн“.

woman power.

Издатель Готфрид Берманн, спасший от смерти десятки людей

До того как стать известным издателем, смело печатавшим гонимых фашистами писателей, он работал ассистентом хирурга. Впоследствии стал другом Стефана Цвейга и спас от лагерей десятки людей.

Это Готфрид Берманн, родившийся в семье еврейского фельдшера в Верхней Силезии. Окончил гимназию, участвовал в Первой мировой войне, был офицером-добровольтцем, обучался медицинскому делу в европейских университетах, трудился в берлинской больнице.

Жизнь изменилась после того, как Готфрид в 1926-м сочетался браком со старшей дочерью успешного издателя Самюэля Фишера Бриджит. Тесть предложил новоявленному родственнику, который, работая некоторое время в книжном магазине, был знаком с издательским делом, войти в компанию S. Fischer Verlag. В тот период это было крупнейшее германское предприятие, выпускавшее произведения художественной литературы.

Спустя три года Берманн, успешно овладев руководящими навыками, по праву занял место управляющего директора компании. В 1932 году сумел организовать в Швейцарии центр авторского права, который уже в следующем году

помог многим писателям в защите от посягательств национал-социалистов.

В 1936 году уже в Вене стало работать издательство Bergmann-Fischer Verlag, штаб-квартира которого в дальнейшем перебазировалась в Стокгольм. Несмотря на запугивания, поступавшие в его адрес, Берманн активно занимался переизданием книг немецких и австрийских литераторов, творчество которых находилось у нацистов под запретом. Благодаря ему, читатели знакомы с творениями Стефана Цвейга, Томаса Манна, Германа Гессе. Впрочем, нацистский режим проник и на территорию Швеции. Готфрида арестовали и посадили в тюремные застенки, где он находился в течение пяти недель. К счастью, его супруге с детьми удалось уехать в Соединенные Штаты. В 1940 году и сам предприниматель сумел воссоединиться с семьёй. Впрочем, и на другом берегу Атлантики он смог организовать грамотное руководство предприятием, оставшимся в Стокгольме.

Вдвоём с Фрицем Ландсхоффом уже в Нью-Йорке Берманн создал L.V. Fischer Publishing Corporation. Эта издательская корпорация выпустила в свет творения Томаса Манна, Ричарда Бер-Гофмана, Франца Верфеля, Стефана Цвейга. Большими тиражами издавались произведения немецких классиков. Все книги оказались востребованными. Ведь на тот момент в Соединенных Штатах Америки проживало порядка полумиллиона немцев.

Особые отношения связывали знаменитого издателя с австрийским писателем Стефаном Цвейгом. Знаменитый литератор переписывался с Берманном-Фишером. Среди многих прощальных писем, которые Цвейг отправил из Петрополиса перед самоубийством, за сутки до добровольного ухода из жизни было и послание, адресованное Готфриду. Вместе с ним была передана рукопись „Шахматной новеллы“ с подтверждением права на публикацию произведения в оригинале. В письме писатель давал некоторые рекомендации по её публикации, а также слал пожелания удачи в издательских делах.

Берманн исполнил предсмертное пожелание Цвейга и опубликовал „Шахматную новеллу“ в Стокгольме в 1943 году. Её тираж составил 5000 экземпляров. После окончания Второй мировой войны, в 1946 году были изданы ме-

муары мастера под названием „Вчерашний мир. Воспоминания европейца“. Эта публикация автобиографического произведения Цвейга была данью уважения другу и великому писателю. В нём описана культура, система ценностей, мода, методы воспитания, жизнь молодёжной среды, сексуальная мораль венского общества периода Австро-Венгерской империи. Как и многие творения мастера, эта книга отличается изящным сплетением структуры повествования и откровенностью автора.

В 1948 году Готфрид смог возвратиться в Стокгольм, а через два года – и в Берлин. Следует отметить, что в отсутствие Берманна-Фишера издательство в столице нацистской Германии удерживалось „на плаву“ благодаря Питеру Цуркампу, которого всё-таки интернировали в концлагерь. Он остался жив и уже по возвращении Берманна получил половину бизнеса.

S. Fischer Verlag в 1963 году поэтапно продала корпорацию Holtzbrinck, которая и сейчас владеет этим издательством со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне. Сам же Берманн-Фишер, уйдя на заслуженный отдых, начал заниматься любимыми делами: живописью, скульптурой, теннисом. В общем, стал активным пенсионером. Давая последнее в своей жизни интервью, он рассказал о своей миссии в жизни, состоявшей из двух главных обязанностей. Первой из них Готфрид назвал сохранение издательства, которое по воле судьбы было вверено именно ему, управление предприятием согласно определённым традициям и правилам. Вторым – защиту семьи от уничтожения нацистами. Его сердце наполнялось бесконечной благодарностью из-за того, что он преуспел в этих делах и выполнил предначертанную ему миссию.

Знаменитым немецким издателем и успешным предпринимателем Берманном-Фишером прожита достойная жизнь, которая продлилась 98 лет. Он ушёл в вечность в 1995 году, пережив любимую супругу, умершую в 1991 году, на четыре года.

И после смерти Готфрид и Бриджит остались вместе. Они покоятся в семейном склепе Фишеров, находящемся на самом большом еврейском кладбище Берлин-Вайсензее.

Марина СЛИВИНА.

Великая сила национализма

Еврейская майса

Ещё никогда евреи не подвергались такой дискриминации, как 16 декабря в квартире Димы Головова. Надо сразу сказать, что в этот день Дима праздновал своё пятидесятилетие, а корнями он уходил туда, откуда... В общем, был он еврей и черта его оседлости, уже с утра проведённая тещей, белела где-то в дальнем углу комнаты, на расстоянии двух вытянутых рук от столов с запасами спиртного и закусками. Там, в углу, стоял колченогий стул, на котором Дима и сидел, печально наблюдая за происходящим. Вначале, конечно, он пытался возражать, на что теща вскользь, но сурово заметила, что у них здесь не иудейская Пасха и, если Диме что-то не нравится, он может сложить свои вещи на этот дурацкий стул и идти к своему посольству, где его с удовольствием примут. Дима обиженно замолчал. Минуты через три он не выдержал и сказал, правда, какую-то фразу про антисемитизм, за что теща до минимума уменьшила сферу его интересов.

А гости уже собирались. Они шумно заходили, шумно отдавали пакеты с подарками Диминой жене, шутили, смеялись и ещё более шумно рассаживались. Дима смотрел на всё по-прежнему печально, в его глазах плескалась боль всего Ближнего Востока, а губы беззвучно шевелились. Теща, увидев это, сказала, что Дима за всю жизнь не прочёл ни одной строчки из Торы, что еврейских молитв он не знает, что с исторической родиной его связывает лишь исполнение в пьяном виде „Хавы Нагилы“, эти вечно печальные глаза да хронический иврит головного мозга.

Затем Диме выдали немного салата и жёстко прервали его попытку прорваться к столам. В подавлении бунта активное участие принял Димин друг Андрианов, специально приглашённый в качестве казака-антисемита и имеющий большой опыт погромов в квартирах друзей-евреев. Вконец обидевшийся Дима затаил в своём джесте, осознал, что это и есть маленькое еврейское счастье, а гости, наоборот, развеселились. После тостов за тещу и жену пришло время песен. Исполняли в основном произведения разудалых русских композиторов Фельцмана, Френкеля и Фрадкина, казачий цикл Розенбаума и „Русское поле“ из репертуара Кобзона. Иногда в этот ряд врывались песни, которые давно стали национальным достоянием России – „Сулико“, „Четыре татарина“ и „Хаз-Булат удалой“. Вот во время исполнения последней и произошло то, чего так опасалась теща. Одного из гостей, Савельева, так разжалобила фраза „Бедна сакля твоя...“, что он расплакался и незаметно катнул Диме бутылку „Русской водки“. Женщины в это время находились на кухне, поэтому Дима подарок принял с удовольствием и залпом...

Когда через несколько минут теща зашла в комнату, её взо-

ру предстала страшная картина. Дима с пустой бутылкой водки стоял на столе и пел „Хаву Нагилу“. Вокруг плясали что-то похожее на кадрили гости, иногда подсказывая Диме слова и напоминая мелодию. Теща попыталась пресечь эту наглую жидомасонскую выходку, но... Но её увлек вихрь танца и спустя мгновение, заложив пальцы за несуществующую жилетку, она лихо дёрнула ножками.

Измученные шумом соседи вызвали полицию часа через три. Зайдя в квартиру, полиция долго не могла понять, куда она попала. В большой комнате громко, на непонятном языке спорили мужчины в шляпах. „На иврите говорят“ – сказал лейтенант Чернышов, знавший татарский. Ещё один мужчина – это был Андрианов – вырезал из газет шестиконечные звёзды и обклеивал ими стены. Откуда-то доносился голос тещи – она обзванивала еврейские общины США и Канады, а из кухни лилась печальная песня на том же языке в исполнении женщин. На вопрос о документах, несмело заданный главным полицейским, никто не ответил, лишь проходящая мимо с подносом закусок чернявская девушка улыбнулась и сказала: „Шалом!“ „Это она поздоровалась“ – перевёл лейтенант Чернышов и зачем-то добавил: „Татарский и иврит очень похожи“.

Выяснив, что в квартире по-русски, и то с большим трудом, говорит только Дима, полицейские удалились, забрав его с собой. Пропажу именинника никто не заметил и праздник pokračился дальше. Теща обзвонила все континенты и, сидя у окошка, ждала переводы с материальной помощью по еврейской линии, Андрианов обклеил звёздами квартиру и перешёл на лестничную клетку, гости, узнав, кто именно пресёк безобразный геноцид по отношению к Диме, избрали Савельева главным раввином и просили его заняться уже строительством синагоги. А у подъезда, сжимая розы, стоял лейтенант Чернышов – чернявская девушка вместе с подносом зашла в его сердце и поселилась там навсегда...

Время летело. Во дворе Диминого дома строилась синагога. „Мосфильм“ снимал кино под названием „Список Савельева“, теща занималась финансовыми вопросами мирового сионизма, причём сионизм беднел, а теща богатели, Андрианов обклеил звёздами все близлежащие дома и деревья, лейтенант Чернышов... А лейтенант Чернышов, влюбившийся, как оказалось, в жену Димы, убрал его в тюрьму, уволился из полиции и работал на Андрианова, вырезая для него газетные звёзды. По субботам, разумеется, он только молился, с ужасом вспоминая свою прошлую, несемитскую жизнь.

Дима вернулся через пять лет. Встретили его, как Мессию – все, кроме бывшего лейтенанта Чернышова – зажгли старин-

ные семисвечники ручной работы, купленные тещей на распродаже в „Икее“, показали синагогу, фильм „Список Савельева“, шестиконечные звёзды на деревьях, детей, родившихся от него в его отсутствие и дали самоучитель иврита. Диме многое не понравилось – не понравился бывший лейтенант Чернышов, постоянно глядящий на чужую жену, не понравились архитектура синагоги, концепция фильма, сложный язык, свет от семисвечников и непонятные скуластые дети. Он уставал от лиц еврейской национальности, окружавших его, тосковал по славянам, которых полюбил в тюрьмах, не понимал, о чём плачет в своих речах Савельев и почему его надо называть „ребё“, кто запретил пить пиво по субботам и что в его квартире делает огромное количество ортодоксальных иудеев из Израиля, если раньше заходили только русские атеисты с водкой и женщинами. Не изменилась лишь теща – она по-прежнему боролась с Диминим алкоголизмом, хотя им, алкоголизму и Диме, на двоих исполнялось уже сто лет...

Ещё никогда русские не подвергались такой дискриминации, как 16 декабря в квартире Димы Головова. Сам Дима с утра сидел в углу комнаты на колченогом стуле, на расстоянии двух вытянутых рук от небольшого столика с закуской. Вначале, конечно, он пытался возражать, на что теща вскользь, но сурово заметила, что у них здесь не православная Пасха и, если Диме что-то не нравится, он может отписать ей свою долю жилплощади и уже таки идти в пивную, где его с удовольствием примут. Дима обиженно замолчал. Минуты через три он не выдержал и сказал, правда, какую-то фразу про антисемитские настроения, за что теща до минимума уменьшила сферу его интересов, объяснив, что с русской нацией Диму связывает лишь исполнение в пьяном виде „Как здорово, что все мы здесь...“ да эти вечно помельные глаза. А гости уже собирались. Они тихо заходили, со слезами отдавали открытки с видами Иерусалима Диминой жене и, повеселев, рассаживались. После тоста пришло время песен. Исполняли в основном произведения печальных еврейских композиторов Дунавского, Шаинского и Богословского, еврейский цикл Утёсова, и, разумеется, „Хаву Нагилу“. Иногда в этот ряд врывались песни, которые давно стали общенациональными – „Сулико“, „Четыре татарина“ и „Хаз-Булат удалой“. Вот во время исполнения последней и разжалобился ребе Савельев, расплакался и незаметно плеснул Диме пятнадцать грамм кошерной водки...

Илья КРИШТУЛ.

Двадцать баксов за хорошее настроение

Самолёт израильской авиакомпании „Эль Аль“, летим в Москву. Прошли паспортный и таможенный контроль, сидим в эконом-классе, в хвосте самолёта, пассажиры почти все русские, кислые все... Скукота, в общем.

Только набрали высоту, как сосед достаёт из кармана двадцать американских рублей и, дотронувшись до плеча впереди сидящего дядьки, с невинным видом протягивает

ему бумажку:

– Будьте добры, передайте за проезд!

Дядька на автомате берёт баксы, зависает на пару секунд, а потом, просветлев лицом и заговорщицки подхихкивая, то же самое проделывает с пассажиром перед ним. Под нарастающий гул и смех в салоне двадцатка дошла до упора и попала в руки к симпатичной барышне. Дядька тут же прокомментировал: мол, и барышне приятно, и весь самолёт поржал всего за двадцать баксов...

История на этом должна была и закончиться, если бы не барышня. Та, кивнув тому, кто передал деньги, встаёт с крес-

ла и с серьёзным видом скрывается за ширмочкой, где тусуются стюардессы. В салоне стало тихо, как в море перед Новым годом.

Где-то через минуту барышня возвращается и всё с тем же невозмутимым видом отдаёт двадцатку тому, от кого получила, и что-то негромко ему говорит.

Теперь уже волна ржача пошла в обратную сторону и дошла до нас в виде той же двадцатки, которую сосед получил от рыдающего дядьки вместе со словами:

– У пилотов мелочи нет, просили без сдачи!

Валентина БРАНТОВА.

Почему брацлавские хасиды едут встречать Рош ха-Шана в Умань?

Брацлавский хасидизм был основан в украинском городке Брацлав раввином Нахманом, который является первым и единственным лидером этого течения хасидизма.

Несмотря на то, что это течение называется брацлавским хасидизмом, один из его центров находится в Умани, потому что именно там похоронен рабби Нахман.

Могила цадика стала важным местом паломничества на еврейской карте Украины. Ежегодно в Умань приезжают десятки тысяч брацлавских хасидов, чтобы побыть на могиле лидера движения. В советские годы паломничество было временно

прекращено, но после распада СССР традиция возобновилась.

Брацлавские хасиды не просто следуют традициям, а считают своей обязанностью хотя бы раз в жизни посетить Умань. Последователи Нахмана верят, что если на могиле цадика встретить Рош ха-Шана, то следующий год будет очень счастливым.

Это связано с тем, что рабби Нахман учил своих хасидов, что, если они придут помолиться на его могилу, он будет ходатайствовать за них перед Вс-вышним. Он не говорил о конкретной дате, когда именно нужно побывать на его могиле. Рабби Нахман умер 18 Тисрея 5571 (1810) года, во

время осенних праздников, когда в Умани собралось несколько сотен его сторонников. Последний урок, который он дал своим последователям был в канун Рош ха-Шана. С тех пор у брацлавских хасидов возникла традиция приезжать в Умань именно на Рош ха-Шана и осенние праздники.

Умань посещают целые общины брацлавских хасидов, при этом некоторые из них приезжают ежегодно. В паломничестве участвует и младшее поколение, так как это считается частью духовного воспитания. Стоит отметить, что многие хасиды целый год собирают деньги для осуществления паломничества.

Первые паломники приезжают за неделю-две до праздника, а основная масса за четыре дня до Рош ха-Шана. Для своего путешествия они используют самолёты, потом пересаживаются на автобусы и едут в Умань. Из-за неудобств, связанных с транспортом и логистикой, путешествие в Умань является очень длинным и затратным для хасидов.

В Умани паломники останавливаются в районе улицы Пушкина и на соседних улицах. Именно улица Пушкина является центром паломничества, где находится оэль цадика Нахмана, могильный комплекс, еврейские отели.

Еврейские праздники на 5781 (2020–2021) год

19 – 20 сентября 2020 г.	Рош ха-Шана	28 марта – 4 апреля 2021 г.	Песах
28 сентября 2020 г.	Йом Кипур	30 апреля 2021 г.	Лаг ба-Омер
3 – 9 октября 2020 г.	Суккот	17 – 18 мая 2021 г.	Шавуот
10 октября 2020 г.	Шмини Ацерет	18 июля 2021 г.	Пост 9 Ава
11 октября 2020 г.	Симхат Тора	7 – 8 сентября 2021 г.	Рош ха-Шана
11 – 18 декабря 2020 г.	Ханука	16 сентября 2021 г.	Йом Кипур
28 января 2021 г.	Ту би-Шват	21 – 28 сентября 2021 г.	Суккот
26 – 27 февраля 2021 г.	Пурим	28 сентября – Шмини Ацерет; 29 сентября – Симхат Тора	

Согласно еврейской традиции праздник начинается вечером предыдущего дня после захода солнца.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.
Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.
e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ck.ua>
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на газету „Инэйнем“ на 2021 год!

Если вы хотите, чтобы свежий номер нашей газеты приносил к вам домой, в ваш почтовый ящик, обращайтесь в редакцию газеты.

Не откладывайте на потом.

Приходите сейчас!